

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2026.54.34.004

От «венца творения» к симулякру: динамика образа человека в западной культуре

Романов Тимофей Владимирович

Аспирант,
кафедра философии и культурологии,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов.
192238, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15;
e-mail: ttiromanow@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию трансформации образа человека в западной культурной традиции — от мифологической целостности к постмодернистской деконструкции. Автор прослеживает динамику изменений, выделяя три ключевых этапа: формирование бессубъектной целостности в архаическом мифе, кризис классической антропологической парадигмы под влиянием философии XIX века (Маркс, Фрейд, Ницше) и полную деконструкцию субъекта в философии XX века. Особое внимание уделяется переходу от мифа к логосу, где закладываются рефлексивные основания образа человека, а также роли христианства в утверждении вертикали «Бог — человек». Ключевым тезисом работы является положение о том, что в эпоху гиперреальности (Бодрийяр) и лингвистического поворота (Соссюр, Леви-Стросс) человек утрачивает статус автономного творца реальности, превращаясь в симулякр — порождение знаковых систем, языковых структур и машин желания. В финале статьи констатируется переход от образа «венца творения» к феномену постчеловека, существующего исключительно как эффект языка и медиа-репрезентаций.

Для цитирования в научных исследованиях

Романов Т.В. От «венца творения» к симулякру: динамика образа человека в западной культуре // Культура и цивилизация. 2026. Том 16. № 6А. С. 29-35. DOI: 10.34670/AR.2026.54.34.004

Ключевые слова

Образ человека, антропологический кризис, мифологическое мышление, деконструкция, симулякр, гиперреальность, постчеловек, культурная динамика, философская антропология, семиотика.

Введение

В современной гуманитарной науке на данный момент времени начал снова подниматься вопрос об антропологическом кризисе, об антропологическом переходе и т.п. [Sokolova, 2025; Мельникова, 2013] В процессе развития технологий, трансформации форм взаимодействия человека с человеком общество сталкивается с множеством проблем и вызовов [Горшкова В.В., Мельникова, 2018], главными из которых является представление о человеке, представление о его образе. В данной статье мы постараемся вкратце проследить динамику изменчивости образа человека в западной культуре: определить точку отсчета, антропологический кризис и момент деконструкции.

Образ человека и соответствующее его отражение мы находим в текстах. Обращаясь к античной мифологии, как к одному из первых источников представления человека о своей роли в мире, о мире в целом, мы берем за основу именно человека мифологического мышления. А. Ф. Лосев отмечал: «Миф есть не примитивная наука или донаучное знание, а представление, сама жизнь для архаичного сознания, способ переживания реальности, в котором еще не разделены знания и вера, факт и ценность, образ и реальность» [Лосев, 2001, 145]. В мифе образ человека представлен как нечто неразрывное с макрокосмосом – где есть четкое разделение на мир людей и богов. В мифе также прописана четкая иерархия, внутри которой человек, по своей сути, не является автономным субъектом и ограничен положением относительно высших сущностей (богов). Даже герои мифов, которые могут померяться силами с богами, ограничены своей «ролью» и местом в мире и выше самих себя перепрыгнуть не могут.

Основная часть

Мифологический образ человека базируется на нерасчлененности (синкретичности) в отношении человека и макрокосмоса. Его имя, его статус, его роль являются неразрывным целым. Тем самым, можно сказать, что мифологический человек обладает неавтономностью, он еще не мыслит себя как субъект и не противопоставляет себя миру как объекту [Мельникова, 2016]. На данном этапе происходит конструирование образа. Сюда добавляется и так называемая ритуальная идентичность. Ритуал является своего рода внешним культурным воздействием человека, который формирует его идентичность и определение себя в той или иной группе [Атаманов, 2023]. Важно понимать, что ритуал не дает человеку как такового выбора, а является зачастую обязательной, необходимой частью. Примером может служить обряд инициации, где подросток, проходящий его, как бы символически умирает и перерождается заново во взрослого [Нагорнова, Данилова, Салихова, 2020].

Еще одна черта мифологического человека – принципиальная нерerefлексивность мифов. Сейчас, с позиции современного мышления, мы можем подвергать сомнению, спорить и обсуждать различные мифы с разных точек зрения. Однако для архаичного сознания миф – это данность. Мифологический человек не задает вопросов о том, кто он. В его представлении четко прописано и оформлено восприятие самого себя, ведь ответ ему дан в мифе. В этом случае определение себя в мире и идентичность человека априорна и не предполагается осмыслению, разрушению и деконструированию. Таким образом, сформировалась бессубъектная целостность.

В мифологии мы можем видеть и отражение свойств и характеров человека, которые описывались через сюжеты. Прометей – образ бунтарства, образ человека, который бросает вызов богам. Через этот образ показывается преобразование человека как существа, который

получил прометеев дар и последующую возможность преобразовывать и трансформировать этот мир. Человек здесь получает частичку божественного, то есть способности творить. В свою очередь, образ Пандоры показывает нам то, что она является неким конструктом, который не имеет уникальной природы, так как была создана и собрана из внешних атрибутов – античный прообраз монстра Виктора Франкенштейна. И этот миф поднимает проблему «оригинала». Также, можно упомянуть миф о Нарциссе и Эхо, где Нарцисс влюбляется в собственное отражение. Не в силах оторваться от поверхности воды, которая проецирует его отражение, а также не в силах заполучить этот образ, завладеть им, он умирает, превращаясь в цветок. Нарцисс стал заложником собственного образа, знака (что позднее Бодрийяр обозначит как симулякр). Отражение человека не является самим человеком. Нарцисс таким образом (говоря современным языком) сотворил гиперреальность, используя свой собственный образ, влюбляясь в него. Этот образ заменил ему настоящую подлинную реальность. Современная психология дала этому феномену свое определение – нарциссическое расстройство личности.

Мифы показывают нам через различные сюжеты, что образ человека является достаточно целостным. В них можно выделить следующие составляющие, которые образуют эту целостность:

- Единение человека с макрокосмосом.
- Нерефлексивность. Человек четко встроен в макрокосмос и четко определяет свою роль в этом мире.
- Обрядность.

Однако сюжеты, которые воспринимались в мифе как данность в дальнейшем, с развитием гуманитарной, а в частности, философской мысли, начали подвергаться рефлексии и новому осмыслению в период античной философии. Здесь совершается переход от мифа к логосу, то есть от мифологического мышления к философскому сознанию и осмыслению мира. Этот переход происходит примерно в VI-IV веках до н.э. Однако нельзя сказать, что миф полностью искореняется из мышления человека. Миф здесь выступает все тем же базисом, на который надстраивается философия. Философия закладывает таким образом рефлексивный компонент в представлении образа человека, который в дальнейшем будет трансформироваться с каждой новой эпохой и дойдет до деконструкции.

Рефлексия в философии – качественное изменение в сознании людей. Философы начинают задавать вопросы наподобие «кто я?» и пытаться найти ответ на эти вопросы через собственную разборку: познание души и тела, сознания, добродетели и т.п. Философия «провозглашает» рождение внутреннего человека, где душа отделяется от тела, внешнего мира и начинает формироваться подлинное «Я» - как предпосылка современного понятия личности. Так, формируется и предпосылка к разборке образа через формирование внутреннего человека, который появляется не вместо мифологического человека, но рождается внутри него. Тем самым, расщепляя его идентичность и формируя новое представление о самом себе.

Платон, например, определил человека как «бессмертную душу», которая заключена в смертном теле. Тем самым, он разделил тело и душу, определив иерархию: душа, по Платону, находится выше тела, а разум, в свою очередь, выше чувств. В его рассуждениях рушится горизонталь, в которой человек лежит в одной плоскости с миром – макрокосмосом. Это, с одной стороны, возвышает образ человека, однако с другой стороны рушит представление о его целостности.

Аристотель, в свой черед, рассматривал человека с плоскости горизонтали и наделяет его свойством, которое выражается в социуме. Человек для него – существо общественное и

реализуется человек только во взаимодействии с другими такими же участниками социума. Он отмечает такое свойство, характерное человеку, как внутреннее напряжение. Человек одновременно является и животным, и существом разумным, следовательно, принадлежит двум мирам.

Однако нельзя сказать, что античная философия сформировала таким образом классический образ человека. Более устоявшийся образ мы можем видеть, обращаясь к христианской религии. Христианство рассматривает человека через призму образа и подобия Божьего. Здесь человек – не часть природы, не игрушка в руках богов и не политическое животное, а носитель божественных начал. Образ Божий выступает в роли разума и свободы воли, а Подобие – постулат, с помощью которого человек проживает жизнь в стремлении к единению с Богом. Одной из важных составляющих образа является Грехопадение. Человек был создан Богом как совершенное существо, но это совершенство он утратил в ходе совершения им греха. Фиксируется же образ человека через Спасение, которое выражается в деяниях, сближающих его с Богом. Также христианство формулирует представление о человеке, наделенным свободой воли: он сам несет ответственность за свой выбор (служить добру или злу), что является предпосылкой к дальнейшему представлению о человеке как субъекте.

Рене Декарт развернул свои мысли в сторону человека как автономного субъекта, который противостоит объективной реальности и имеет способность к ее изучению, трансформации и преобразованию. В этих мыслях и представлениях человек снова выводится на вертикаль, где занимает главенствующую роль. Иммануил Кант же определял человека во время эпохи Просвещения, как «несовершеннолетнее существо, в котором тот находился по своей вине», отмечая, что человек должен научиться мыслить самостоятельно, потому как больше не нуждается в авторитетах.

Однако уже в XIX веке этот образ человека, который формировался на основах философской мысли и христианской парадигме вступил в фазу кризиса [Парыгин, Мельникова, 2012]. Основными причинами послужили мысли о человеке со стороны Маркса, Фрейда и Ницше. Маркс начал рассматривать человека с социологической и исторической точек зрения, указав на то, что вся история человечества строится на классовой основе. Фрейд же занимался глубинным изучением человеческого бессознательного, выделив три компонента, которые встроены в психику человека: сверх-я, я и бессознательное. Он утверждал человека, как существо, подчиненное культурным нормам, для того, чтобы сдерживать бессознательные, животные, проявления. Ницше, в свою очередь, провозгласил о смерти Бога. Это ознаменовало крушение вертикали, в которой человек рассматривался по отношению к Богу-Творцу. Важно понимать, что все трое ученых не отменяли человека как субъекта, занимаясь своего рода расширенной рефлексией, которая показывает нам, что образ человека – это совокупность и представлений, и культурных установок, и социальных условий, в которых этот человек обитает.

Сама же деконструкция происходит в XX веке. Одним из ее проявлений являются работы Фердинанда де Соссюра, который совершает лингвистический поворот. Он рассматривал язык (как составляющую культуры человека), как знаковую систему, где значение каждого элемента отсылает нас не к предметам (названиям этих предметов), а к различиям. Следуя данной логике, мы приходим к тому, что человек в этой системе различий – это эффект языка [Мельникова, Куц, 2014]. Не человек говорит языком, а язык человеком [Горшкова, Мельникова, 2014].

Леви-Стросс подхватил идеи Соссюра и децентрировал человека, обозначив, что человек не является творцом искусства и культуры, а является всего лишь вместилищем – местом, с

помощью которого культура реализуется. Это уже показывает нам на зародившуюся тенденцию к смерти человека как субъекта. Эмиль Чоран продолжает эту линию, объявляя прямо об этом. Если классическая антропология рассматривала источник истины с точки зрения разума (Эпоха Просвещения) или откровения (Христианство), то Чоран рассматривал ее с позиции боли, которая разрушает человеческое «Я», а, следовательно, и образ. Он определял человека через конфигурацию так называемых фигур-масок, или аватаров, утверждая через них принцип неустойчивого «Я», где «Я» – это набор перфораций, что в конечном счете говорит нам о том, что идентичности человека как субъекта не существует, потому как последний является всего лишь набором категорий и знаков.

Деконструкция выражается и в работах Жилия Делеза и Феликса Гваттари. Они выстраивают линию критики психоанализа через концепцию «Анти-Эдипа», где утверждают человека как машину желаний, вступая в спор, в свою очередь, и с марксистской политической экономией. Желания обладают продуктивной, созидательной энергией, которая позволяет нам оформить реальность. Эдипов комплекс – это не универсальный невротический конструкт, а лишь изобретение капиталистического общества с целью запереть желания в клетку и сделать его управляемым.

Делез и Гваттари вводят понятия «Машины желания» и «Тело без органов» для объяснения до-субъективной и до-индивидуальной реальности. Машины желания здесь выступают как обозначение самого желания, наделяя его функцией производства. Человек же в этой системе является продуктом. Бессознательное характеризуется как фабрика, которая производит реальность. Тело без органов – это та плоскость нашего мира, на котором желание имеет возможность развернуться свободно. Человек, по их мнению, не является творцом, хозяином желания, а наоборот – побочным продуктом.

Выводы

Окончательный переход к деконструкции образа человека мы можем наблюдать в работах Ж. Бодрийяра. Жан Бодрийяр формулирует свой тезис следующим образом: «История человечества есть последовательная смена порядков симуляции. Первый порядок (от Ренессанса до промышленной революции) – это подделка, имитация природы. Второй порядок (индустриальная эпоха) – это производство, серийное тиражирование вещей. Третий порядок (современность) – это симуляция, при которой знак уже не отсылает нас к какой-либо реальности, а отсылает только к другим знакам».

Человек в понимании Бодрийяра перестает быть реальным существом, субъектом, который обладает своими стремлениями, телом, сознанием. В эпоху гиперреальности человек из субъекта превращается в образ, который циркулирует в медиа, рекламе, социальных сетях. Человек смотрит на подобных себе через смартфон и видит там улучшенную, отфильтрованную версию, построенную лишь на образе, на знаках, которые формируют представление о нем.

Бодрийяр радикализирует тезис о смерти субъекта. Гиперреальность знаменует смерть человека как носителя этой самой реальности. На смену человеку в классическом понимании приходит постчеловек – существо, которое утрачивает все атрибуты классической антропологии, однако продолжает функционировать в системе производства и потребления знаков.

Образ человека в культуре проходил несколько этапов: от формирования, до кризиса и деконструкции. Однако, характерной чертой являлась субъектность и автономность человека в

отношении объективной действительности. Деконструкция же полностью пересматривает человека, его роль и место в этой реальности, ставя под вопрос существование не только человека как субъекта, а существование реальности как таковой.

Библиография

1. Атаманов А.В. Проблема трансформации социальных функций ритуала в современной культуре // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 66-73.
2. Горшкова В.В., Мельникова А.А. Педагогический потенциал русского языка // Педагогика. 2014. № 10. С. 35-39.
3. Горшкова В.В., Мельникова А.А. Современное российское общество как пространство конфликта // Конфликтология. 2018. Т. 13. № 2. С. 81-93.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Москва: Мысль, 2001. 558 с.
5. Мельникова А.А. Норма и патология в культурологическом контексте // Никоновские чтения: электронный сборник научных статей: в 2-х томах. 2016. С. 115-118.
6. Мельникова А.А. Политика глобализации и глубинные основания культур // Политика и общество. 2013. № 11 (107). С. 1340-1345.
7. Мельникова А.А., Куц В.А. Педагогика русского языка и глубинные основания культуры (активизация традиционно-культурных форм в контексте цивилизационной динамики) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 4-2 (42). С. 128-131.
8. Нагорнова А.Ю., Данилова Е.А., Салихова А.А. [и др.]. Современная социология семьи: проблемы и их решения. Ульяновск: Зебра, 2020. 101 с.
9. Парыгин Б.Д., Мельникова А.А. Интегральная гуманитарная теория: концептуализация соединения психологии с культурологией, философией, социологией и лингвистикой // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 5. № 2. С. 5-14.
10. Sokolova S.N. Antropological crisis: transformation of gender stereotypes and value orientations of the persons // Bulletin of Polessky State University in Sosial Sciences and Humanities. 2025. № 1. С. 69-75.

From the "Crown of Creation" to Simulacrum: The Dynamics of the Human Image in Western Culture

Timofei V. Romanov

Postgraduate Student,
Department of Philosophy and Culturology,
Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences,
192238, 15, Fuchika str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: tirromanow@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the transformation of the human image in the Western cultural tradition — from mythological integrity to postmodern deconstruction. The author traces the dynamics of changes, distinguishing three key stages: the formation of subjectless integrity in the archaic myth, the crisis of the classical anthropological paradigm under the influence of 19th-century philosophy (Marx, Freud, Nietzsche), and the complete deconstruction of the subject in 20th-century philosophy. Special attention is paid to the transition from myth to logos, where the reflexive foundations of the human image are laid, as well as the role of Christianity in establishing the "God — man" vertical. The key thesis of the work is the proposition that in the era of hyperreality (Baudrillard) and the linguistic turn (Saussure, Lévi-Strauss), man loses the status of an autonomous

creator of reality, turning into a simulacrum — a product of sign systems, linguistic structures, and desiring machines. In the final part of the article, the transition from the image of the "crown of creation" to the phenomenon of the posthuman, existing exclusively as an effect of language and media representations, is stated.

For citation

Romanov T.V. (2026) Ot «ventsya tvoreniya» k simulyakru: dinamika obraza cheloveka v zapadnoy kul'ture [From the "Crown of Creation" to Simulacrum: The Dynamics of the Human Image in Western Culture]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 16 (6A), pp. 29-35. DOI: 10.34670/AR.2026.54.34.004

Keywords

Human image, anthropological crisis, mythological thinking, deconstruction, simulacrum, hyperreality, posthuman, cultural dynamics, philosophical anthropology, semiotics.

References

1. Atamanov, A. V. (2023). Problema transformatsii sotsial'nykh funktsiy rituala v sovremennoy kul'ture [The problem of transformation of ritual in modern culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (486), 66-73.
2. Gorshkova, V. V., & Mel'nikova, A. A. (2014). Pedagogicheskiy potentsial russkogo yazyka [Pedagogical potential of the Russian language]. *Pedagogika*, (10), 35-39.
3. Gorshkova, V. V., & Mel'nikova, A. A. (2018). Sovremennoye rossiyskoye obshchestvo kak prostranstvo konflikta [Modern Russian society as a space of conflict]. *Konfliktologiya*, *13*(2), 81-93.
4. Losev, A. F. (2001). *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Mysl'.
5. Mel'nikova, A. A. (2013). Politika globalizatsii i glubinnyye osnovaniya kul'tur [The politics of globalization and the deep foundations of cultures]. *Politika i obshchestvo*, (11), 1340-1345.
6. Mel'nikova, A. A. (2016). Norma i patologiya v kul'turologicheskom kontekste [Norm and pathology in the cultural context]. In *Nikonovskiye chteniya: elektronnyy sbornik nauchnykh statey* (Vol. 1, pp. 115-118).
7. Mel'nikova, A. A., & Kuts, V. A. (2014). Pedagogika russkogo yazyka i glubinnyye osnovaniya kul'tury (aktivizatsiya traditsionno-kul'turnykh form v kontekste tsivilizatsionnoy dinamiki) [Pedagogy of the Russian language and the deep foundations of culture: activation of traditional cultural forms in the context of civilizational dynamics]. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, (4-2), 128-131.
8. Nagomova, A. Y., Danilova, E. A., Salikhova, A. A., [et al.]. (2020). Sovremennaya sotsiologiya semi: problemy i ikh resheniya [Modern sociology of the family: problems and their solutions]. *Zebra*.
9. Parygin, B. D., & Mel'nikova, A. A. (2012). Integral'naya gumanitarnaya teoriya: kontseptualizatsiya soedineniya psikhologii s kul'turologiyey, filosofiyey, sotsiologiyey i lingvistikoy [Integral humanitarian theory: conceptualization of the connection of psychology with cultural studies, philosophy, sociology and linguistics]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, *5*(2), 5-14.
10. Sokolova, S. N. (2025). Anthropological crisis: transformation of gender stereotypes and value orientations of the persons. *Bulletin of Polessky State University in Social Sciences and Humanities*, (1), 69-75.